

*Когда ты была
во мне точкой...
дочка*

Рассказы женщин,
совершивших аборт

**Когда ты была во
мне точкой... дочка**

«Издательство «Зерна»

2006

ББК 86.372

Когда ты была во мне точкой... дочка / «Издательство «Зерна»,
2006

ISBN 5-903138-05-5

О грехе аборта написано немало книг. Умных, порой горестных, с научными выкладками и страшными цифрами... Эта книга уникальна тем, что основу ее составляют покаянные письма женщин, в окаменении сердец погубивших во чреве собственных детей. Или – рассказанные журналистами подлинные истории грехопадения. Страницы этой книги истекают кровью. Кровью наших нерожденных детей – тех, кому, быть может, Господь судил стать великими подвижниками и молитвенниками, или нести врачующее исцеление больным в госпиталях и больницах, или наставлять на доброе в школах тех счастливых, которым их матери позволили появиться на свет Божий. Эти рассказы попытка воззвать хотя бы к тем кто еще способен услышать такую простую заповедь Божию – не убий. Дай-то Бог, чтобы хоть кто-то услышал голос совести – глас Божий, хоть кто-то, оплавав в покаянии собственные грехи, решился сделать все для спасения нерожденных младенцев. Тогда – не напрасен наш труд. И малые дети придут в нашу вымирающую страну и наполнят ее звонким смехом и тихой молитвой, наполнят щедро изливаемой Божией благодатью.

ББК 86.372

ISBN 5-903138-05-5

, 2006

© «Издательство «Зерна», 2006

Содержание

Предисловие	6
И сердце омылось слезами	7
Нерожденная Оленька	7
«Благодетельница»	11
Письмо бабушке	12
Ожесточение сердец	14
Незаживающая рана	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Когда ты была во мне точкой... дочка

Автор-составитель Ольга Ларькина

Составлено по «Кровавой книге», выпущенной

по благословению Высокопреосвященнейшего Сергия, архиепископа Самарского и Сызранского

издательством газеты «Благовест» г. Самара в 2001 году (автор-составитель Ольга Ларькина).

© Издательство «Зёрна», 2006 г.

Предисловие

О грехе аборта написано немало книг. Умных, порой горестных, с научными выкладками и страшными цифрами... Эта книга уникальна тем, что основу ее составляют покаянные письма женщин, в окаменении сердец погубивших во чреве собственных детей. Или – рассказанные журналистами подлинные истории грехопадения.

Страницы этой книги истекают кровью. Кровью наших нерожденных детей – тех, кому, быть может, Господь судил стать великими подвижниками и молитвенниками, или нести врачующее исцеление больным в госпиталях и больницах, или наставлять на доброе в школах тех счастливых, которым их матери позволили появиться на свет Божий. Эти рассказы попытка воззвать хотя бы к тем кто еще способен услышать такую простую заповедь Божию – не убий.

Дай-то Бог, чтобы хоть кто-то услышал голос совести – глас Божий, хоть кто-то, оплакав в покаянии собственные грехи, решился сделать все для спасения нерожденных младенцев. Тогда – не напрасен наш труд. И малые дети придут в нашу вымирающую страну и наполнят ее звонким смехом и тихой молитвой, наполнят щедро изливаемой Божией благодатью.

И хотя невозможно человеку исправить столь великое зло, как убиение нерожденного младенца, но пока мы живы, есть еще возможность принести покаяние и слезно молить Господа о даровании благой участи отправленным нами в темную юдоль, чадам. Вот почему мы поместили в конце книги покаянный акафист жен, загубивших своих чад, и молитвы.

Составитель

И сердце омылось слезами (Рассказы женщин)

Нерожденная Оленька

Жизнь свою заполняем всем, что только под руку попадет. Разборчивые в еде и одежде, мы порой так неразборчивы в средствах, которые избираем, чтобы достигнуть временного сво-

его телесного покоя... Душа чернеет от осознания своего греха. Да ведь сама я, сама! – просила у Бога семью, детей...

Было мне уже 27 лет. Институт за плечами, работа интересная, друзья, а нет ощущения полноты жизни. Пришло понимание простой истины – женщина только в семье, в детях раскрывает свое предназначение.

Училась я тогда в Ростове-на-Дону на профессиональных курсах. Как-то поехали мы на экскурсию в Новочеркасск. В программе было и посещение храма. Заходила как в музей, а вошла – как на небо взошла: люди молятся, свечи горят... Я эту жизнь тогда не знала. Отыскала знакомую икону Николая Чудотворца (у меня отец был Николай), встала рядом. Свеча горит в руке, поставить некуда: нет пустого места на подсвечнике. Не зная ни одной молитвы, я стала молиться душой и слезами. Всю горечь своего женского одиночества излила перед святым образом. Я просила святителя Николая изменить мою жизнь, чтобы дал мне Бог мужа любимого и любящего, детей, семью, дом, чтобы не жила я одна-одинешенька, не катилась по миру как перекасти-поле. И хоть я только просила, не умея благодарить за все, что уже дал мне

Господь, даже такая молитва стала для меня очищением души.

Вошла в автобус, а там все места уже заняты, кроме одного, рядом с незнакомым мужчиной. Разговорились... Он и познакомил меня вскоре с моим будущим мужем.

Жить бы и радоваться – родилась у нас доченька. Только квартиры у нас пока не было. И хотя посылал нам Господь деток, мы, озабоченные квартирным вопросом, отвергали безценный дар Божий. Четыре аборта я сделала, и один из них – двойня. Одну родила, пятерых загубила!

Это теперь я ужасаюсь, а тогда нам с мужем казалось, что все у нас в порядке. То ли душа окаменела, то ли власть мира сего взяла верх над нами.

И лишь одну потерю по Божьей милости я оплакала еще в роддоме, сожалея о содеянном.

Было это 5 июля 1984 года. Все помню: и стоптанные сандалии, и белую сорочку – одеяние грешников в больнице, и как стояли мы вдоль стенки, слушая жуткие вопли тех, кто добровольно привел уже дитя свое на Голгофу. А ведь есть у аборта миг, когда криком исходит душа, – хоть ты губы в кровь кусай, хоть кричи и маму зови на помощь, – в этот миг нет мысли, только сгусток боли. И чувство это – та же смерть. Кажется, что вся жизнь твоя сейчас на тонкой ниточке. А это – миг вечной разлуки матери с ее неродившимся ребенком. И только ужас в голове и одна мысль: скорее бы все кончилось!

Скоро все и кончилось. Во мне казнили моего ребенка, а он так хотел жить! Мое тело стало лобным местом, плахой, местом смерти. Господь создал нас, женщин, храмом для чуда рождения жизни, а мы превратили тело свое в адскую мясорубку.

...После «экзекуции» вошла в палату – светлую, чистую, солнцем залитую. Я осталась совсем одна, и показалось, что это – навсегда. Осознав, что сделала непоправимое, я разрыдалась. Теперь уже я искренне жалела, что не оставила ребеночка. Я ощутила вселенскую потерю в себе, и ничего уже нельзя было изменить!

Это уже – как землю бросают на гроб. Но не будет на земле того места, где найдет приют тело моего ребенка, куда прийти бы с покаянием, поплакать. И нет покоя душе загубленного младенца, как не досталось ласки материнской, света Божьего. И будет он, твой первенец или просто лишний, навеки сирота. Мы давно привыкли задвигать подальше свою совесть в угоду общественному мнению: «Что скажет Марья Алексевна?!» Суда людского боимся – не Божьего! Но вечным сиротством убиенного чада навсегда пронзится и душа матери независимо от того, понимает ли она это или нет. А если осознает и покается? Милостив Господь к нам, грешным!

Вот и меня Господь не оставил, не пригвоздил мою душу за смертный грех, а пожалел за мое раскаяние и даже утешил. Откуда-то пришло ко мне имя: Ольга. Не голос сказал, а будто надо мной и во мне разлилось это слово. И поняла я, что убила дочкину сестренку. Это была моя навсегда неродившаяся дочь Оленька, которую я даже не видела, на руках не держала, не кормила, не дала ей света Божьего увидеть! Господи, прости меня, окаянную!

Открыл Господь мне имя загубленного мной ребенка, и я теперь молюсь за нее дома. Но почему именно Ольга? Мы бы сами так не назвали, у нас в роду другие имена. По святцам ли – впереди, 24-го июля, день святой равноапостольной Ольги, в крещении Елены, или потому что два имени – мое, Елена, и пришедшее мне от Бога Ольга, незримо связаны – только вот оно, это имя, в памяти и в самом сердце. Имя моей доченьки... Тайна сия от Бога.

...На другой день меня выписали. Я купила торт и ромашки. Дома меня ждала маленькая дочь Настя – в этот день ей исполнилось четыре года. Вчера я убила ее сестру, а сегодня везу ей торт и цветы. Только нет в душе праздника, на сердце кошки скребут. И я чувствую свою безмерную вину перед этим маленьким сокровищем за то, что у нее никогда не будет сестренки. Быть может, это главная моя потеря в жизни... Сколько же таких потерь у всего человечества!

Смотрю теперь на икону Вифлеемских Младенцев-мучеников, и кажется, что мои это дети впереди стоят, а в центре – моя Оленька. Прости меня, доченька моя, прости, научи покаянию. Ты, и неродившаяся, мудрее меня, живущей, ищущей свет во тьме грехов своих.

Прошу ваших молитв обо мне.

Елена, г. Самара

«Благодетельница»

В своей жизни я встречала много добрых, сердечных людей. Одним из таких «благодетелей» надолго стала для меня и Наталья Николаевна.

Мы почти не были знакомы, но, узнав о моей «проблеме» она утешила:

– Все это поправимо! Не можешь идти на аборт по месту жительства – понятно, зачем тебе «светиться». Приходи, я тебе дам направление в областную больницу. И не переживай ни о чем...

Дала мне карточку с домашним адресом и телефоном.

В назначенный день я приехала к ней – и получила направление, притом с уже вписанными будто бы сданными анализами. От принесенной коробки конфет врач отказалась наотрез:

– Своих деток корми! У меня и так всего вдоволь...

Когда «проблема» возникла снова, я уже не мучилась вопросом, что же мне делать. Набрала знакомый номер и вновь услышала приветливое:

– Помогу – о чем речь!

Наталья Николаевна встретила меня в домашнем халате.

– Подожди, я переоденусь, – она предложила мне присесть у журнального столика с дымящимся кофейником и двумя чашечками.

Выйдя из спальни уже в красивом модном платье, она пожаловалась:

– Беда с этим протезом. Только и следи, чтобы ровно лежал на теле.

И рассказала, что не так давно перенесла ампутацию груди. Возникла опухоль – и пока она из доброкачественной не перешла в неизлечимую степень рака, пришлось отнять грудь. Так что пышный бюст – не более, чем муляж...

Понадобились многие годы, чтобы мне, уже понявшей всю непоправимую тяжесть греха чадобийства, вспомнился тот давний «визит» к Наталье Николаевне. И с ужасающей ясностью открылось: да ведь ее, врача-гинеколога, отнявшую жизнь у множества нерожденных детей, Господь лишил груди – символа материнства. Грудью вскармливаются младенцы...

Как же перевернулось все в наших душах, что мы благодетелями считаем палачей! И с умилением вспоминаем добрых тетенок, «выручивших» нас, посодействовав в убийстве собственных детей...

Ольга, г. Самара

Письмо бабушке

...Жили мы, помню, в Юнгородке – на рабочей окраине Самары. Как-то утром иду с завода после третьей смены, вижу – у домоуправления народ толпится, люди что-то рассматривают. Подошла и я. Смотрю – лежит голенький ребеночек, мертвенький, кожица местами слезла, сам мальчик весь синий... Говорят, утром машина очищала канализацию и вдруг «зачихала». Рабочий поднял шланг – висит ребенок! Головку в шланг засосало, а тельце не пролезло.

Сколько лет прошло, а я до сих пор помню этого мальчика: глазки закрыты, губки бантиком, носик аккуратненький – в жизни красавец был бы! Бабы его жалели, приговаривая:

– Что за дура – вовремя аборт не сделала! Дотянула, родила – и убила ведь уж человека!

Другая возразила:

– Аборт-то ведь тоже грех!

– Дак не доводи до двенадцати недель, как он шевелиться начнет, – избавляйся раньше!

Вот при такой «школе жизни» я жила – и выпитывала в себя все «умные» советы... Убивала равнодушно, не чувствуя за собой вины. Те редкие семьи, где рожали много, считали – вроде они с простинкой. Куда нищету плодят? Подумали бы... Мгла царил в наших очерствелых сердцах.

Спираль – этой новизны в мою молодость еще не было, а вот уж в отделе молодые наши сотрудницы не скрывая открыто говорили, что поставили себе спираль. Хвалились – надежная. Уверены были, что уж это-то не грех...

А до каких грехов доходили мы – и вспомнить страшно. Лежала я на очередном аборте. Соседка по койке рассказала, что ее дочка сейчас у мамы в деревне.

– Когда я ее родила, то сон увидела, будто при кормлении вихрь вырвал ее у меня из рук и унес...

И похвастала:

– Мы теперь с мужем приладились – так удобно, никаких абортос делат не надо, по врачам ходить. Шесть месяцев я ношу, потом включаю приемник погромче, сама себе открываю роды и под шум рожаю...

– Как же ты здесь оказалась?

– По глупости... Муж сильно потянул ребенка за ножку – оторвал, испугался, что я умру, вызвал «скорую». Когда приехали, я уж родила, но они настояли, увезли...

Геройски рассказывала, мол, не раз уж так делала, от четырех или пяти, мол, сама избавилась.

...Прошло года два – три. Встретилась мне на улице беременная женщина и ведет за ручку малыша, еще плохо шагающего мальчика. Я узнала в ней ту самую соседку по койке. Разговорились, и она мне поведала:

– Тогда я пришла из больницы, а дома на столе телеграмма из деревни. Дочка умерла скоропостижно... Схоронили – и я дала Богу зарок, что двоих рожу подряд.

Больше я ее не встречала. Не знаю, как жила она дальше, после выполнения зарока. Двоих подряд родила, а потом?... Дай-то Бог, вразумилась бы.

А я-то грешная! Что только над собой не вытворяла, лишь бы не родить. Как стемнеет, ношу ведра с водой в худую кадушку, с крыши сарая прыгала; в бане нажгусь-напарюсь (учили бабы) и такое зелье выпью, аж оглохну! – ан нет, без больницы не обходилось. Самой вытравить не удалось – иду к врачам...

На самый первый аборт решила, когда дочка в четыре месяца стала грудь выплевывать. Проверилась я – беременная. В больницах тогда про медаборты не слышно было, но всегда можно было тайком, «по договоренности», сделать. Вот и я договорилась в Отрадном. Медсестра сделала, что могла, и ушла, наказав:

– Ходи, ходи, быстрее вылетит!

Хозяйка снаружи дом на замок закрыла, я одна. Хожу, как велено. Глянула в зеркало – синяя! Думаю, все: видно, внесла она мне заражение. Корчилась одна, не смела позвать на помощь – тогда строго было. Наутро надо было ехать домой. Кое-как добралась на вокзал. Ступеньки у поезда высокие, народу! – а у меня адские схватки. Но мне освободили место на скамье. Скрючилась и еду... Домой уже не шла – ползла по обочине, оставляя красные следы. В ночь поднялся жар. Вызвали «скорую» и увезли в больницу. Утром положили меня на кресло, сделали чистку. Ругали меня врачи на чем свет стоит! И поделом...

Но вскоре аборт разрешили делать, уже в ноябре 1955 года можно было смело идти в больницу... Хотя и считали нас грязными абортницами, держали в отдельных палатах и к «чистым» строго-настрого запрещали заходить.

Годы прошли, и слава Богу, слушая Ваши, дорогой мой батюшка, наставления – истину святую – осознала я свою огромную греховность, вину вовек непоправимую.

Простите, что уж очень подробно-то я все описала. Да разве мыслимо на исповеди вот так все излить?

Отче честный, помолитесь за меня окаянную Господу, да простит он меня, великую грешницу, а деточек моих неповинных, мною загубленных, да изведет из мрака и причтет к младенцам-мученикам, от Ирода убиенным...

Антонина, г. Самара

Ожесточение сердец

В коридоре женской консультации одна из дверей ведет в «операционную». На самом деле это абортарий, потому что большинство операций, которые здесь производятся, это мини-абORTы. Абортарий в обычной женской консультации одного из районов города Самары, операции каждую среду и пятницу, начиная с 1992 года.

Раньше, чтобы сделать аборт, надо было получить в консультации направление в стационар и провести несколько дней на больничной койке.

Теперь же все предельно упростилось. Чтобы убить собственное дитя, женщина с маленьким сроком беременности сдает анализы, приходит в консультацию к девяти утра, а в 12 утра – «налегке» – уходит домой. Сама «процедура» занимает около десяти минут. По месту жительства эту операцию делают бесплатно.

От самой мысли о том, что мне придется присутствовать при убийстве детей, бессильно опустив при этом руки, мерк свет. Эти три часа стали тремя часами в аду. Но не для тех шести женщин, которые пришли в этот день на аборт. Я попыталась поговорить с каждой в отдельности, пока все не спеша собирались у операционной. Протягиваю листовку «Не убий!» (о том, что такое аборт) православного центра «Жизнь». И снова, и снова натывкаюсь на холодные глаза: «Да я все это давно знаю!»; «А что теперь каждого рожать? Я все время «залетаю», меня тут уже и так прозвали – мать-героиня, ха-ха!»; «Да что вы! У меня двое детей, хватит! Зачем мне еще третий!»

Ни у одной – ни колебаний, ни сомнений. Уверенность в праве решать, жить или не жить ребенку. Еще все они полны этой жизнью. Еще все дети живы и надеются, что их мамы передумают. Но мамы не передумают.

Мне хочется, чтобы время в этот момент остановилось, однако оно неумолимо идет вперед. Нас заводят в «предбанник» операционной, где стоят койки для «больных». Постель было велено приносить с собой. Женщины аккуратно застилают кровати ослепительно белыми простынями, красивым цветным бельем, тщательно выглаженным. И сами они при параде: с прическами, накрашенными ресницами, яркой помадой на губах, на ногтях – розовый маникюр. У некоторых на шее золотые крестики. Переоделись в импортные ночные рубашки с кружевами. Видно, что готовились к событию: на людях надо выглядеть прилично.

Одна за другой эти нарядные женщины переступали порог операционной навстречу абORTу. Сестра их наставляла:

– Тапочки сними перед порогом и дальше иди босиком. Если забудешь, снимай в любом месте по пути, назад не возвращайся – плохая примета.

Врачи подбадривали:

– Девочки, не волнуйтесь!

Такая теплая атмосфера. Дверь закрывалась. Минут через пять-семь возникал зловещий гул: работал вакуумный аппарат, которым отсасывали плод. А скоро в дверях появлялась и чуть бледная абортница, поддерживаемая под локоток сестрой. И вслед каждой из операционной летело: «Молодец, пятерка!»

– Ну как? – спросил кто-то у плодовой мамы.

– Кайф! – воскликнула она, подходя к своей постели, и рассмеялась.

Другая радостно заявила:

– Ой, девочки, мне сделали всего за пять минут! Ее тут же поддержали:

– Ия даже не заметила – так быстро! Завязался общий оживленный разговор:

– А что, бедноту, что ли, плодить? Вон они по улицам бегают, грязные, оборванные.

Но ни одна из этих женщин не выглядела бедной, скорее наоборот. У четырех из шести – мужья, у всех работа, достаток.

Скоро все «отличницы» сладко спали – полагалось часок отдохнуть. На вид такие красивые, такие нежные и мягкие – само воплощение женственности и материнства. Симпатичные женщины из городской толпы. Женщины-убийцы. Возникла неотвязная мысль: весь город полон женщин-убийц. Они спали, и им казалось, что все их проблемы закончились. Но никакие «приметы с тапочками» не спасут никого из них от медицинских осложнений, депрессии, разлада в семье и ночных кошмаров. Но все это будет потом.

Они спали. А мимо ходили туда-сюда беременные женщины. Молча глядя на абортниц и поджав губы, проходили через «предбанник» в противоположную операционной дверь налево. Там, как ни странно, расположился дневной стационар для женщин, сохраняющих беременность. Двенадцать коек, и все заняты. И столько усилий и медиков, и собственных, чтобы сохранить своего ребенка. В этой консультации все рядом: направо – убивают, налево – сохраняют. Свобода личности, выбирай: убить или сохранить. Приветствуется равно и то, и другое. Многие в один момент своей жизни выбирают дверь направо, в другой – налево.

Напоследок я поговорила с заведующей консультацией, она же врач, которая делает здесь аборты. И на все вопросы получила очень уверенные ответы.

По ее мнению то, что мини-аборты стали делаться в женских консультациях (в Самаре – с 1990 года), – великое благо. Быстро, удобно, мини-аборт дает меньше осложнений. «Жаль, что эта методика так долго не разрешалась Минздравом. Одно плохо: мы опять отстаем от Америки, где амбулаторно делается аборт до десяти недель. После аборта у нас женщин учат предохраняться, абортов стало меньше. Как хорошо, что женщина теперь сама может решать. Раньше аборты запрещали, сколько было судебных дел. А теперь девочка с пятнадцати лет может сама решить сделать аборт и имеет право не ставить в известность маму...»

– И вы сделаете ей аборт? – содрогнулась я.

– Сделаем, а куда деваться. Беда в том, что наше население неграмотно, не знает, как пользоваться контрацептивами. Нужно девочек учить с семилетнего возраста, – был категоричный ответ.

И только на один вопрос: «Куда вы деваете детей, которых извлекаете из женщин во время аборта?» – заведующая консультацией замешкалась с ответом и промолчала. Но я повторила вопрос и услышала недовольное: «Куда надо! Санэпидемстанция за этим следит!.. Все это делается правильно!»

Людмила Белкина

Незаживающая рана

Наше поколение выросло без веры. Так, в глубине души чувствовали, что есть какая-то Сила, Которая движет жизнью на земле. Но веры не было. Я родилась в войну и жила как в основном все жили в мое время. Пока не пришло горе в мою семью.

Родили мы с мужем троих сыновей. Два старших сыночка женились, имеют свои семьи, но вот младшенькому Алёше не суждено было... Он был умница, в школе учился хорошо, весельчак, любимец всей детворы. Окончил 11 классов и первый из нашего села поступил в университет, на вечернее отделение биофака. Им гордились учителя, мы радовались за него.

Проучился год – и взяли его в армию. Это был 1994 год. В армии жестокая «дедовщина»: избили его осетины, такие же солдаты, как и он, и Алёша попал в госпиталь с сотрясением мозга и перебитой переносицей. Немного подлечили его и из госпиталя отпустили на пять дней домой. Когда он приехал, я своего любимого сыночка не узнала: лицо изуродованное, и сам стал нервный. Погостил дома четыре дня и уехал назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.